Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-557-567
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

СПИРИЦА Евгений Валерьевич,
директор Международного центра детекции лжи и профайлинга (ICDS-GROUP), преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова, юрист, психолог, антрополог, педагог, эксперт-профайле-верификатор, Москва, Россия, e-mail: info@icds-group.com

НЕАВТОРИЗОВАННЫЙ ИСТОЧНИК В ОБОСНОВАНИИ ЭКСПЕРТНОГО ВЫВОДА: СЛУЧАЙ ДВУСТОРОННЕГО ЦИТИРОВАНИЯ ОДНОЙ СТЕНОГРАММЫ. К ПРОБЛЕМЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ В СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ДОСТОВЕРНОСТИ ПОКАЗАНИЙ

Аннотация. *Требование научной обоснованности экспертного исследования (ст. 8 Федерального закона № 73-ФЗ) предполагает проверяемость не только применённых процедур, но и источников, из которых заимствованы положенные в основу выводов положения. Настоящая работа описывает случай, в котором это требование не выполнено обеими сторонами профессионального спора одновременно. В 2016 г. опубликованы два документа противоположной направленности: монография о судебно-психологической экспертизе достоверности показаний с приложенным заключением экспертов по уголовному делу и информационное письмо, утверждённое научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России и учёным советом ФГБУ «ФМИЦПН им. В. П. Сербского» Минздрава России, объявляющее такую экспертизу неправомерной. Показано, что оба документа опираются на один и тот же источник — неавторизованную стенограмму устного практического семинара, изданную без участия выступавшего, — и что в обоих случаях статус источника не был проверен. В первом случае учебная метафора («синдром Пиноккио») мигрировала из устной лекции в перечень признаков, по которым оценивалось психоэмоциональное состояние несовершеннолетнего потерпевшего; во втором тот же текст послужил основанием для квалификации цитируемого лица как «практика из среды предпринимателей» — операции, представляющей собой генетическую ошибку. Отдельно разобрано внутреннее противоречие рассматриваемой методики: сформулированное её авторами требование обоснования весового вклада критериев не выполняется в их собственном заключении, где итоговый показатель выражен процентами с точностью до десятых долей. Предложен протокол источниковедческой проверки ссылочного аппарата, применимый как при производстве экспертизы, так и при её рецензировании. Основной вывод информационного письма о недопустимости установления достоверности показаний путём судебной экспертизы автором разделяется; предметом критики является не вывод, а способ его получения.*

Ключевые слова: *судебно-психологическая экспертиза; достоверность показаний; научная обоснованность; источниковедение; текстология; авторизованный текст; генетическая ошибка; весовые коэффициенты; ложная точность; профайлинг.*

Для цитирования: *Спирица Е. В. Неавторизованный источник в обосновании экспертного вывода: случай двустороннего цитирования одной стенограммы. К проблеме источниковедческого контроля в судебно-психологической экспертизе достоверности показаний // Образование и право. 2026. № 10. С. 557–567.*

SPIRITSA Evgeny Valeryevich,
Director of the International Center for Deception Detection and Profiling (ICDS-GROUP), Lecturer at Lomonosov Moscow State University,
Lawyer, Psychologist, Anthropologist, Educator, Expert Profiler-Verifier, Moscow, Russia

AN UNAUTHORISED SOURCE IN THE JUSTIFICATION OF AN EXPERT CONCLUSION: A CASE OF ONE TRANSCRIPT CITED BY BOTH SIDES. ON SOURCE CRITICISM IN FORENSIC PSYCHOLOGICAL ASSESSMENT OF STATEMENT CREDIBILITY

Annotation. *The statutory requirement that forensic examination rest on a strictly scientific basis (Art. 8 of Federal Law No. 73-FZ) presupposes the verifiability not only of the procedures applied but also of the sources from which the underlying propositions are drawn. This paper describes a case in which that requirement was violated by both sides of a professional dispute simultaneously. In 2016 two documents of opposite orientation were published: a monograph on the forensic psychological assessment of statement credibility, with an appended expert opinion from a criminal case, and an information letter approved by the Scientific and Methodological Council of the Russian Federal Centre of Forensic Science (Ministry of Justice) and the Academic Council of the Serbsky Centre (Ministry of Health), declaring such examination inadmissible. Both documents are shown to rely on the same source — an unauthorised transcript of an oral practical seminar, published without the speaker's participation — and in both cases the status of that source went unverified. In the first, a teaching metaphor ("the Pinocchio syndrome") migrated from an oral lecture into the list of indicators used to assess the psycho-emotional state of a minor victim; in the second, the same text served as grounds for classifying the cited person as a "practitioner from the business community", an operation that constitutes a genetic fallacy. A separate section examines an internal contradiction of the methodology under review: the requirement of justifying the weight of each criterion, formulated by its own authors, is not met in their own expert opinion, where the final indicator is expressed as a percentage to one decimal place. A protocol of source verification is proposed, applicable both in the production of an expert opinion and in its review. The principal conclusion of the information letter — that statement credibility cannot be established by forensic examination — is shared by the author; what is criticised is not the conclusion but the manner in which it was obtained.*

Key words: *forensic psychological examination; statement credibility; scientific validity; source criticism; textual criticism; authorised text; genetic fallacy; criterion weighting; spurious precision; profiling.*

For citation: *Spiritsa E. V. An unauthorised source in the justification of an expert conclusion: a case of one transcript cited by both sides. On source criticism in forensic psychological assessment of statement credibility. Education and law. 2026;(10):557–567. (In Russ.).*

Введение. Источниковедческий контроль как условие проверяемости вывода

Статья 8 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [17] требует, чтобы экспертное исследование проводилось на строго научной и практической основе, а заключение было объективным, всесторонним и полным. Практическое содержание этого требования состоит в проверяемости: заключение должно быть построено так, чтобы независимый специалист мог пройти путь от исходных данных к выводу и установить, на чём каждый шаг держится.

Проверяемость обычно обсуждается применительно к процедуре — к описанию методики, полноте исходных материалов, воспроизводимости измерений. Значительно реже она обсуждается применительно к ссылочному аппарату. Между тем экспертное заключение, использующее психологические критерии, неизбежно опирается на внешние положения: перечни признаков, классификации, эмпирические обобщения. Эти положения заимствуются из литературы, и вопрос о том, из какой именно литературы они заимствованы, является не библиографической формальностью, а частью вопроса о научной обоснованности. Если содержательное положение держится на источнике, который не является научной публикацией, то обоснование отсутствует независимо от того, верно ли само положение.

Настоящая работа разбирает случай, в котором эта проверка не была произведена — причём не одной стороной, а обеими сторонами профессионального конфликта, независимо друг от друга и на одном и том же материале.

Случай представляет интерес по трём причинам. Во-первых, он документирован: оба документа опубликованы, обе цепочки заимствования прослеживаются постранично. Во-вторых, он симметричен: одна сторона использовала источник для обоснования методики, другая — для её дискредитации, и ни одна не проверила его статус. В-третьих, он показывает, каким образом учебная метафора, произнесённая на практическом семинаре, за четыре года превращается в элемент перечня признаков, применяемого к несовершеннолетнему в уголовном деле, — без единого акта недобросовестности на этом пути.

Тезис работы формулируется так: источниковедческий контроль есть необходимое условие научной обоснованности экспертного заключения, и это условие симметрично — оно в равной мере обязательно для того, кто на источник опирается, и для того, кто с его помощью опровергает.

1. Материал и метод

1.1. Материал

Материалом исследования выступают два опубликованных документа 2016 года.

Документ А. Монография В. Ф. Енгалычева, Г. К. Кравцовой и Е. Н. Холоповой «Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий)» [1] с приложенным к ней заключением экспертов по уголовному делу о преступлении против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, приводимым в качестве образца применения описываемой методики.

Документ Б. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путём судебной экспертизы», утверждённое научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (протокол № 6 от 15.06.2016) и учёным советом ФГБУ «ФМИЦПН им. В. П. Сербского» Минздрава России (протокол № 7 от 20.06.2016), опубликованное в журнале «Теория и практика судебной экспертизы» [2]. Документ подготовлен коллективом из двенадцати авторов и адресован следователям, судьям и прокурорам.

Документы находятся в отношении прямой полемики: документ Б разбирает документ А и признаёт описанную в нём методику научно необоснованной.

1.2. Процедура

Метод — документоведческий и источниковедческий анализ ссылочного аппарата: установление статуса цитируемых источников, прослеживание пути заимствования каждого положения от места его использования до места происхождения и сопоставление функции положения в источнике с функцией, которую оно приобретает в цитирующем тексте.

Дополнительно привлекается собственная позиция цитируемого лица (раздел 6) — не как аргумент в споре, а как фактическая справка о содержании устного выступления, поскольку именно расхождение между этим содержанием и его печатной передачей составляет предмет разбора.

1.3. Границы метода

Процедура не предполагает оценки истинности заимствованных положений: она устанавливает, обосновано ли их использование. Она не оценивает разбираемые документы в целом и не касается тех их частей, которые не связаны с разобранными ссылками. Она не устанавливает и намерения цитирующего: во всех разобранных случаях фиксируется совершённая операция, а не мотив, по которому она совершена. Наконец, процедура не является выборочным исследованием: разобран единичный случай, и заключения о распространённости описанной практики из него не следуют.

2. Понятийная рамка: авторизованный и неавторизованный текст

2.1. Текстологическое различение

Различение авторизованных и неавторизованных источников принадлежит текстологии и является в ней базовым. Авторизованным признаётся текст, прошедший авторскую подготовку к печати или прямо одобренный автором; неавторизованным — воспроизведение, произведённое без его участия. Классические руководства по текстологии [3; 4; 5] формулируют принцип последней авторской воли: научное издание воспроизводит тот текст, который автор признал выражающим его позицию, а записи, списки и посторонние передачи привлекаются лишь как вспомогательный материал с обязательной оговоркой об их статусе.

Различение не является ведомственной особенностью филологии. Оно отвечает на вопрос, имеющий прямое отношение к обоснованию: чьё утверждение цитируется. Ссылка на неавторизованный текст формально сохраняет фамилию, но фактически цитирует не автора, а его передачу третьим лицом — при том, что читатель ссылки этого не видит.

2.2. Устное выступление и научная публикация как разные жанры

Расшифровка устного выступления не стано-

вится научной публикацией в силу того, что она напечатана. Между двумя жанрами лежит работа, которую выполняет автор при подготовке текста: выверка формулировок, введение оговорок и квалификаторов, определение терминов, отделение иллюстрации от утверждения.

Устная речь на практическом семинаре организована иначе, и организована так не по небрежности, а по назначению. Она рассчитана на присутствующего слушателя, который только что разобрал механизм на примерах и удерживает контекст; она использует метафору как мнемоническое средство; она допускает ироническое словоупотребление, распознаваемое по интонации и не распознаваемое на бумаге. Все эти средства уместны в аудитории и становятся источником ошибки при переносе в письменный научный оборот, где интонация утрачивается, контекст не восстанавливается, а метафора читается как термин.

Существенно, что превращение метафоры в термин происходит не при произнесении и не при расшифровке, а при цитировании: именно ссылка присваивает фразе статус положения, на которое можно опереться. Ответственность за эту операцию лежит на цитирующем.

Различение устного и письменного регистров профессионального знания разобрано автором отдельно [6]; здесь оно привлекается лишь в той части, которая необходима для оценки допустимости ссылки.

2.3. Типология источников и допустимость ссылки

Изложенное различение сводится в таблицу, задающую для каждого типа текста допустимый режим ссылки (табл. 1).

Таблица 1. Типы текстов и допустимый режим ссылки

Тип текста	Авторская подготовка	Допустимость ссылки как на позицию автора
Монография, статья в рецензируемом издании	Полная	Допустима без оговорок
Учебное пособие, глава в коллективном труде	Полная	Допустима без оговорок
Препринт, авторская рукопись	Полная, без внешнего рецензирования	Допустима с указанием статуса
Опубликованный текст доклада, подготовленный автором	Полная	Допустима без оговорок
Расшифровка устного выступления, отредактированная и одобренная автором	Частичная, подтверждённая	Допустима с указанием жанра
Расшифровка устного выступления, изданная без участия автора	Отсутствует	Недопустима как изложение научной позиции; возможна лишь как объект описания с прямым указанием статуса
Раздаточный материал, конспект слушателя, запись обучающегося	Отсутствует	Недопустима

Строки таблицы различаются не качеством содержания, а наличием акта, которым автор принял текст на себя. Утверждение из последних двух строк может оказаться совершенно верным; но оно не является утверждением названного автора и не может обосновывать вывод со ссылкой на его авторитет.

3. Случай А: неавторизованная стенограмма в обосновании экспертного заключения

3.1. Позиция № 30 списка литературы

В заключении экспертов, приложенном к монографии [1], раздел «Список использованной литературы» содержит тридцать пять позиций (с. 231). Позиция № 30 сформулирована следующим образом: «Спирица Е. В. Профайлингово-полиграфическое исследование: лекции по 8 базовым адаптивным реакциям // Материалы семинара-тренинга… Екатеринбург, 2012».

Работы с такими выходными данными не существует. Существует практический семинар для полиграфологов, проведённый в Екатеринбурге 15–17 июня 2012 г. Аудиозапись семинара была расшифрована и издана брошюрой без участия выступавшего: текст не готовился им к печати, не согласовывался и до выхода не предъявлялся. По типологии таблицы 1 источник относится к предпоследней строке.

Существенно, что сама библиографическая запись содержит признаки, достаточные для опре-

деления статуса без всякого внешнего расследования: указание «материалы семинара-тренинга», отсутствие издательства, отсутствие ISBN. Проверка не требовала обращения к автору — она требовала прочтения собственной библиографической записи.

3.2. Структура ссылочного аппарата

Ссылки на цитируемое лицо в тексте заключения распределены следующим образом (табл. 2).

Таблица 2. Ссылки на цитируемое лицо в тексте экспертного заключения

№ сноски	Обосновываемое положение	Источник по описанию в заключении	Статус источника
308	Соотношение вербальной и невербальной составляющих сообщения	Материал 2011 г. без указания издательства и ISBN	Не установлен
309	Две формы лжи: умолчание и искажение	Материалы семинара, Екатеринбург, 2012	Неавторизованная стенограмма
312	Связь социального положения и объёма речевой продукции	«Курс лекций», 2011	Изданием не является
321	Схематизм изложения как признак	Материалы семинара, Екатеринбург, 2012	Неавторизованная стенограмма
328	«Синдром Пиноккио»	Материалы семинара, Екатеринбург, 2012	Неавторизованная стенограмма

Здесь необходима фактическая справка. До 2016 г. цитируемое лицо не публиковало монографий; первая книга вышла в издательстве «Питер» и посвящена психологии лжи и обмана. Курсов лекций и конспектов лекций он не составлял. Соответственно ни один из пяти источников таблицы 2 не является текстом, подготовленным и подписанным названным автором.

Три из пяти ссылок восходят к екатеринбургской стенограмме, и они не декоративны: на них держатся классификация форм лжи (сноска 309), признак схематизма изложения (сноска 321) и телесный признак (сноска 328) — то есть элементы содержательной части исследования.

Отдельного внимания заслуживает сноска 308. Положение о соотношении вербальной и невербальной составляющих сообщения восходит к экспериментам А. Мехрабиана и С. Ферриса [7], поставленным на изолированных односложных стимулах и не допускающим переноса на коммуникацию в целом, — ограничение, многократно описанное в литературе и указанное самим Мехрабианом. Таким образом, положение с известной историей некорректной экстраполяции введено в заключение через источник неустановленного статуса, минуя как первоисточник, так и его критику. Это иллюстрирует практический смысл источниковедческого контроля: ссылка на непроверенный источник не только не подтверждает положение, но и отсекает доступ к сведениям, которые его ограничивают.

3.3. Миграция учебной метафоры в перечень признаков

Наиболее существенное следствие обнаруживается на с. 300 заключения, в разделе, где эксперты отвечают на вопрос о признаках сокрытия обстоятельств.

Согласно опубликованному тексту, у допрашиваемого констатируется «паттерн нервного поведения»: передёргивание плечами, напряжение шейно-плечевого пояса, стремление изменить положение тела, глубокий вздох, «жест “рука-к-лицу”, в том числе — “синдром Пиноккио”», жесты-самоадаптеры, латентные задержки ответа, паузы. К словосочетанию «синдром Пиноккио» отнесена сноска 328, содержащая прямую цитату из екатеринбургской брошюры и отсылающая к ней как к источнику. Из перечня делается вывод, что перечисленные данные «могут свидетельствовать о том, что он находится в состоянии психоэмоционального напряжения, испытывает чувство беспокойства, страха».

Речь идёт о несовершеннолетнем тринадцати лет по делу о преступлении против половой неприкосновенности.

Проследим путь. Мнемонический образ, произнесённый в аудитории профессиональных полиграфологов, расшифрован третьим лицом; расшифровка издана; издание получило библиографическое описание; описание внесено в список литературы экспертного заключения; сноска на него присоединена к элементу перечня признаков; перечень положен в основание вывода о психоэмоциональном состоянии несовершеннолетнего. На каждом шаге операция выглядит рутинной. Ни один шаг не требует недобросовестности. Итог, однако, состоит в том, что фигура речи получила в судебном документе функцию признака.

Отметим, что само выражение «синдром Пиноккио» имеет собственную историю в специальной литературе: оно введено в описательный оборот А. Хиршем и Ч. Вольфом в разборе единичного случая [8] и уже там не имело статуса диагностического критерия — авторы описывали наблюдение, а не предлагали признак. Метаанализ поведенческих коррелятов обмана [9] не обнаруживает у прикосновения к лицу и носу значимой связи с обманом; систематический анализ корпуса

данных о невербальных признаках, выполненный Т. Люком [10] и озаглавленный по тому же литературному персонажу, показывает, что накопленные оценки величин эффекта существенно завышены публикационным сдвигом. Иными словами, положение, введённое в перечень признаков, к 2016 г. не имело эмпирической поддержки ни в одном из доступных обзоров — и установить это можно было, не обращаясь к автору стенограммы, а обратившись к литературе.

3.4. Реконструкция канала заимствования

Способ, которым брошюра попала в научный оборот, реконструируется по самому же изданию. В сведениях об экспертах (с. 227–228) перечислены документы о повышении квалификации одного из подписавших заключение, среди которых указан сертификат от 17.06.2012, выданный организацией — проводившей упомянутый семинар. Даты семинара — 15–17 июня 2012 г.; дата сертификата совпадает с его последним днём.

Совпадение объясняет происхождение источника: материал, полученный слушателем на практическом семинаре, впоследствии занял позицию в списке литературы судебной экспертизы. Между «раздаточный материал семинара» и «научный источник» лежит различие, зафиксированное в таблице 1; в данном случае оно было преодолено, по всей видимости, незаметно для участников. Механизм здесь типовой: текст, полученный в учебной ситуации, воспринимается как учебный материал, учебный материал — как изложение позиции преподавателя, изложение позиции — как позиция. Ни один переход не является сознательным решением; результатом становится ссылка, которую невозможно проверить.

4. Случай Б: тот же источник в документе, опровергающем методику

4.1. Совпадение источниковой базы

Информационное письмо [2] разбирает монографию [1] и признаёт описанный в ней подход научно необоснованным. В обоснование приводятся, в частности, цитаты из книги, сопровождаемые указанием на характер привлекаемых её авторами источников. Две такие цитаты воспроизводят высказывания того же лица, что и в разделе 3.

Первая — положение о связи служебного положения и лексикона — приводится со ссылкой на «курс лекций» 2011 г. Вторая — фрагмент о сказочном персонаже, у которого при произнесении неправды удлинялся нос, — со ссылкой на материалы екатеринбургского семинара 15–17 июня 2012 г., то есть на позицию № 30 списка литературы документа А.

Таким образом, документ, опровергающий методику, и документ, её обосновывающий, опираются в соответствующей части на один и тот же текст. Ни один из них не устанавливает его статуса. Различие между документами состоит в направлении вывода, а не в качестве источниковедческой работы.

Обстоятельство это заслуживает фиксации именно потому, что письмо предъявляет оппонентам претензию некритичного обращения с источниками — и в том же разделе воспроизводит источник, статус которого не проверен. Библиографические признаки, перечисленные в разделе 3.1 (отсутствие издательства, указание на материалы семинара), были доступны авторам письма в том же объёме, что и авторам монографии, поскольку письмо цитирует источник с полными выходными данными.

4.2. Квалификация автора как аргумент

Итоговая формулировка письма в этой части состоит в том, что авторы монографии «неоднократно не только ссылаются, но и обширно цитируют практиков из среды предпринимателей, что вызывает большие сомнения в научной обоснованности предлагаемых ими методов экспертного исследования».

Здесь совершается переход, требующий отдельного разбора. Из того, что автор цитируемого положения занят практической деятельностью вне научного учреждения, выводится сомнение в научной обоснованности положения. Логическая форма этого перехода известна как генетическая ошибка (genetic fallacy) — оценка утверждения по его происхождению, а не по его содержанию и обоснованию; в применении к лицу она описывается как обстоятельственный вариант аргумента к человеку [11]. Утверждение не становится ложным оттого, что его высказал практик, и не становится истинным оттого, что его высказал сотрудник института.

Существенно, что корректный аргумент в данном случае был доступен и не потребовал бы обращения к роду занятий цитируемого лица. Достаточно было указать: положение введено через источник, не являющийся научной публикацией; следовательно, оно не обосновано. Этот аргумент сильнее приведённого, поскольку не зависит от статуса автора и не опровергается предъявлением его публикаций. Замена его на аргумент от рода занятий ослабила позицию письма в том самом пункте, где она могла быть неуязвимой.

Отметим также, что квалификация вынесена без обращения к текстам, которые цитируемое лицо действительно подготовило и подписало. За четырнадцать лет ни авторы монографии, ни авторы письма не обращались к нему с запросом о статусе цитируемых материалов, хотя в первом случае

один из экспертов располагал документом, прямо связывающим его с источником (раздел 3.4).

4.3. Асимметрия требований как самостоятельная проблема

Ситуация, в которой требование верификации источников предъявляется оппоненту и не применяется к себе, имеет следствие, выходящее за пределы данного случая. Требование, применяемое избирательно, перестаёт быть методологическим и становится риторическим: оно уже не отделяет обоснованное от необоснованного, а лишь маркирует принадлежность. Практическое последствие для экспертной практики состоит в том, что рецензия на заключение, построенная по такому принципу, не даёт суду того, ради чего она назначается, — независимой проверки обоснованности.

5. Внутреннее противоречие методики: весовой вклад критериев

Настоящий раздел не связан с вопросом об источниках и разбирается независимо; он обнаруживается внутри документа А без привлечения внешних материалов.

5.1. Требование, сформулированное авторами

На с. 138 монографии [1] авторы разбирают методику другого исследователя и формулируют претензию: её недостатком является отсутствие обоснования весового коэффициента каждого отдельного критерия, вследствие чего суммарные показатели признаются необоснованными и вызывающими сомнения. На с. 108 те же авторы констатируют, что весовой вклад отдельных критериев не определён.

Претензия сформулирована корректно. Суммирование разнородных признаков в единый показатель предполагает решение о том, в какой мере каждый признак вносит вклад в итог; пока это решение не принято и не обосновано, сумма не интерпретируема.

5.2. Та же операция в собственном заключении

В приложенном заключении итог выражен следующим образом: показания «на 85 % не соответствуют критериям психологической достоверности»; далее приводятся значения 87,5 % и 88,9 %.

Способ получения этих величин восстанавливается по тексту: из девятнадцати критериев подсчитывается число присутствующих и отсутствующих, отношение переводится в проценты. Весовые коэффициенты не вводятся. Это в точности та операция, которая на с. 138 признана необоснованной, и она произведена при прямо констатированной на с. 108 неопределённости весового вклада.

Разность между 85 % и 87,5 % соответствует одному критерию из девятнадцати. Чтобы эта разность несла информацию, требуется допущение о равенстве вкладов всех критериев — например, о том, что логическая структура изложения и наличие извинения в адрес обвиняемого вносят в оценку одинаковый вклад. Такое допущение в тексте не сформулировано и не обосновано.

5.3. Условия допустимости равновзвешенного суммирования

Замечание требует уточнения, без которого критика была бы неточной. Равновзвешенное (единичное) суммирование предикторов не является само по себе методологическим дефектом: Р. Доуз показал [12], что «неправильные» линейные модели с единичными весами нередко превосходят как клиническое суждение, так и модели с оптимизированными весами, поскольку устойчивее к особенностям выборки. Однако результат Доуза получен при выполнении условий, каждое из которых существенно: предикторы отобраны как валидные относительно внешнего критерия; направление связи каждого предиктора с критерием установлено заранее; переменные приведены к сопоставимой шкале; модель проверена на данных с известным критерием.

Ни одно из этих условий в рассматриваемом случае не выполнено. Внешний критерий (установленная процессуальным путём достоверность показаний) в основании методики не использован, валидность отдельных критериев относительно него не измерена, направление и величина связи не установлены. При невыполненных условиях единичное взвешивание перестаёт быть допустимым упрощением и становится необоснованным допущением — что и зафиксировано самими авторами применительно к чужой методике.

5.4. Ложная точность и её процессуальное следствие

Отдельную проблему составляет форма представления результата. Величина, полученная делением целых чисел, не имеющих установленного веса, выражена с точностью до десятых долей процента. Такая запись сообщает читателю о точности измерения то, чего процедура не обеспечивает.

Процессуальное следствие существенно. Суд не обязан быть психологом и оценивает заключение по его внешним признакам обоснованности, руководствуясь общими правилами оценки доказательств [18]. Числовое выражение с десятичным знаком читается как результат измерения, а не как доля отмеченных пунктов перечня. При этом сам перечень, из которого получена доля, включает — как показано в разделе 3.3 — позиции, восходящие к неавторизованному источнику.

Обе проблемы соединяются в одной точке: количественная форма придаёт видимость точности содержанию, обоснованность которого не установлена.

Констатация не предполагает недобросовестности. Она фиксирует типовой механизм: числовой показатель воспринимается как более убедительный, чем словесная оценка, и потому вводится там, где основания для его вычисления отсутствуют.

6. Позиция цитируемого лица

Настоящий раздел изложен от первого лица, поскольку содержит фактическую справку о содержании устного выступления и о позиции, которую автор считает своей. Он вынесен из основного анализа сознательно: приведённые в разделах 3–5 наблюдения не зависят от того, верны ли приписанные мне положения.

6.1. О прикосновении к носу

Прикосновение к лицу и носу при стрессе имеет физиологическое объяснение: при выбросе катехоламинов изменяется кровенаполнение слизистой оболочки, возникает зуд, и человек непроизвольно тянется к лицу. Механизм описан и не является предметом спора.

Механизм, однако, не есть признак лжи. Прикосновение к носу само по себе не свидетельствует ни о лжи, ни о правдивости. Оно приобретает значение для специалиста лишь в соотнесении с базовой линией поведения конкретного человека и с содержанием обсуждаемого. Изолированного телесного маркера обмана не существует; это положение я излагаю на протяжении двадцати лет, и оно совпадает с состоянием эмпирической литературы [9; 10; 13].

Слово «синдром» в устном выступлении употреблено иронически — как обозначение распространённого заблуждения, а не как термин. В письменном научном тексте оно читается как термин. Расхождение между двумя прочтениями и составляет содержание проблемы, разбираемой в разделе 2.2.

6.2. О ключах глазного доступа

Поскольку окуломоторные «ключи глазного доступа» регулярно относят к рассматриваемой области, фиксирую позицию: я считаю их неработающими. Исследование Р. Уайзмана с соавторами [14], включавшее три эксперимента, не подтвердило связи направления взгляда с обманом ни в одном из них. По этому пункту моя позиция и позиция авторов информационного письма совпадают полностью.

Работа с достоверностью сообщаемой информации, которую я считаю обоснованной, опирается не на построения нейролингвистического программирования, а на представление о системном строении высших психических функций [15]: изменения речевой продукции и мимики рассматриваются как реакция на значимый стимул. В этой рамке «правда» и «ложь» не являются измеряемыми величинами; измеряется значимость стимула для конкретного лица и отклонение от его индивидуальной базовой линии. Развёрнуто эта позиция изложена в отдельной работе [16].

6.3. О выводе информационного письма

Основной вывод документа Б я разделяю. Установление достоверности показаний путём назначения судебной экспертизы на строго научной основе в настоящее время невозможно. Изолированных признаков лжи не существует; поведенческие корреляты не дают основания для вывода о правдивости; представление оценки достоверности в качестве экспертного заключения вводит суд в заблуждение и вторгается в компетенцию суда.

Предметом настоящей статьи является не этот вывод, а способ, которым он получен в разобранной части. Правильность вывода не сообщает правильности процедуре его получения. Это положение справедливо для экспертного заключения — и в той же мере справедливо для документа, который такое заключение критикует.

7. Обсуждение

Разобранный случай допускает обобщение в трёх направлениях.

Первое: симметричность требования. Обе стороны совершили одну и ту же операцию — использовали текст, не установив его статуса, и построили на нём утверждение. Одна сторона обосновывала методику, другая дискредитировала её источник. Совпадение операции при противоположности целей указывает на то, что причина лежит не в позиции сторон, а в отсутствии процедуры. Требование верификации источника, применяемое только к оппоненту, не выполняет своей функции; оно должно быть встроено в работу с собственным текстом.

Второе: механизм повышения статуса текста. Случай демонстрирует последовательность, в которой каждый шаг обратим, а результат — нет: устное высказывание → расшифровка третьим лицом → печатное издание → библиографическое описание → позиция в списке литературы → сноска в содержательной части → элемент перечня признаков → основание вывода. Статус текста повышается не решением, а прохождением цепочки, в которой ни одно звено не помечено как требующее проверки. Единственная точка, где цепочка может быть прервана без потерь, — момент составления библиографической записи, поскольку именно там признаки статуса ещё видны.

Третье: цена ошибки в судебном контексте. В научной публикации некорректная ссылка

влечёт погрешность изложения. В экспертном заключении она входит в основание вывода о конкретном лице. В разобранном случае это лицо — несовершеннолетний потерпевший по делу о преступлении против половой неприкосновенности. Различие в цене ошибки требует различия в строгости проверки, а не наоборот.

Ограничения настоящей работы очевидны и должны быть названы. Разобран единичный случай; статистических обобщений о распространённости описанной практики он не позволяет. Автор является лицом, чьи высказывания цитируются в обоих документах, и это обстоятельство зафиксировано в декларации конфликта интересов. Наконец, работа не оценивает документ А в целом и не касается тех его частей, которые не связаны с разобранными ссылками.

8. Практические следствия: протокол источниковедческой проверки

Из разобранного случая следует практическая процедура, не требующая ни дополнительных ресурсов, ни специальной квалификации. Она применима эксперту при подготовке заключения, рецензенту при его оценке и участнику процесса при заявлении ходатайства (табл. 3).

Таблица 3. Протокол проверки источника, положенного в основание содержательного положения

Шаг	Проверяемое обстоятельство	Признак несоответствия	Действие при несоответствии
1	Наличие выходных данных	Отсутствуют издательство, год, ISBN, сведения о рецензировании	Не использовать как обоснование
2	Жанр издания	«Материалы семинара», «тренинг», «курс лекций», «раздаточный материал», «расшифровка выступления»	Не использовать как изложение научной позиции
3	Наличие авторской подготовки	Издание подготовлено третьим лицом; сведения об авторской редактуре отсутствуют	Указать статус либо отказаться от ссылки
4	Совпадение с корпусом работ автора	Названного текста нет в списке публикаций автора	Проверить, обратиться к автору за подтверждением
5	Первоисточник положения	Положение имеет самостоятельный первоисточник, не указанный в ссылке	Сослаться на первоисточник и на его критику
6	Функция положения в источнике	В источнике положение является иллюстрацией, метафорой, оговоркой	Не переносить в статус признака или критерия
7	Роль положения в выводе	Положение входит в основание вывода о конкретном лице	Требования 1–6 применяются в полном объёме без исключений

Шаги 1–3 выполняются по одной библиографической записи и занимают минуты. В разобранном случае шага 2 было бы достаточно: описание источника содержало слова «материалы семинара-тренинга».

Отдельно отметим шаг 4 в его простейшей форме: обращение к автору цитируемого текста с вопросом о статусе издания. За четырнадцать лет такое обращение не было сделано ни одной из сторон, при том, что контактные сведения цитируемого лица не составляли тайны и один из экспертов располагал выданным им документом.

Заключение

Разобранный случай представляет собой не спор о приоритете и не эпизод профессиональной полемики, а документированную иллюстрацию отказа элементарной процедуры.

Неавторизованная расшифровка устного практического семинара получила в 2016 г. статус научного источника в двух документах противоположной направленности одновременно. В первом она обосновывает содержательные положения экспертного заключения, включая перечень

признаков, по которым оценивалось психоэмоциональное состояние несовершеннолетнего потерпевшего; учебная метафора получила при этом функцию признака. Во втором она служит основанием квалификации цитируемого лица, вынесенной в форме генетической ошибки. Ни один из этих результатов не потребовал недобросовестности: достаточно было не проверить статус источника, признаки которого содержались в самой библиографической записи.

Независимо от вопроса об источниках в документе А обнаруживается внутреннее противоречие: требование обоснования весового вклада критериев, предъявленное авторами чужой методике, не выполнено в их собственном заключении, где итог выражен процентами с десятичным знаком при прямо констатированной неопределённости весов.

Основной вывод информационного письма — о невозможности установления достоверности показаний путём судебной экспертизы на строго научной основе — автором настоящей статьи разделяется. Критике подвергнут не вывод, а способ его получения в разобранной части. Правильный вывод не сообщает правильности процедуре, которой он получен; для документа, чьим центральным требованием к другим является научная обоснованность, это положение имеет силу в первую очередь.

Требование проверять статус источника не является привилегией одной из сторон и не относится к области профессионального этикета. Оно есть элемент научной обоснованности в том значении, которое придаёт этому понятию ст. 8 Федерального закона № 73-ФЗ, и предъявляется в равной мере к тому, кто на источник опирается, и к тому, кто с его помощью опровергает. Как только оно начинает применяться избирательно, проверка обоснованности замещается спором о принадлежности, а суд лишается того, ради чего экспертиза и её рецензирование существуют.

Список литературы:

[1] Енгалычев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий): монография. — М.: Юрлитинформ, 2016. — 328 с.

[2] Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путём судебной экспертизы»: утв. научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (протокол № 6 от 15.06.2016) и учёным советом ФГБУ «ФМИЦПН им. В. П. Сербского» Минздрава России (протокол № 7 от 20.06.2016) // Теория и практика судебной экспертизы. — 2016. — № 3 (43). — С. 64-73.

[3] Томашевский Б. В. Писатель и книга: очерк текстологии. — 2-е изд. — М.: Искусство, 1959. — 280 с.

[4] Лихачёв Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. — 2-е изд. — Л.: Наука, 1983. — 639 с.

[5] Рейсер С. А. Основы текстологии. — 2-е изд. — Л.: Просвещение, 1978. — 176 с.

[6] Спирица Е.В. Профайлинг: разграничение предметных областей и пределов обоснованного вывода // Международный научный вестник. — № 10. —2026. — С. 298-208.

[7] Mehrabian A., Ferris S. R. Inference of Attitudes from Nonverbal Communication in Two Channels // Journal of Consulting Psychology. — 1967. — Vol. 31, no. 3. — P. 248–252.

[8] Hirsch A. R., Wolf C. J. Practical Methods for Detecting Mendacity: A Case Study // Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law. — 2001. — Vol. 29, no. 4. — P. 438–444.

[9] DePaulo B. M., Lindsay J. J., Malone B. E., Muhlenbruck L., Charlton K., Cooper H. Cues to Deception // Psychological Bulletin. — 2003. — Vol. 129, no. 1. — P. 74–118.

[10] Luke T. J. Lessons From Pinocchio: Cues to Deception May Be Highly Exaggerated // Perspectives on Psychological Science. — 2019. — Vol. 14, no. 4. — P. 646–671.

[11] Walton D. Ad Hominem Arguments. — Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1998. — 336 p.

[12] Dawes R. M. The Robust Beauty of Improper Linear Models in Decision Making // American Psychologist. — 1979. — Vol. 34, no. 7. — P. 571–582.

[13] Bond C. F. Jr., DePaulo B. M. Accuracy of Deception Judgments // Personality and Social Psychology Review. — 2006. — Vol. 10, no. 3. — P. 214–234.

[14] Wiseman R., Watt C., ten Brinke L., Porter S., Couper S.-L., Rankin C. The Eyes Don't Have It: Lie Detection and Neuro-Linguistic Programming // PLoS ONE. — 2012. — Vol. 7, no. 7. — e40259.

[15] Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. — М.: Педагогика, 1983. — 1136 с.

[16] Спирица Е.В. Язык без речи: навык как пропущенное звено между схемой и опытом в подготовке профайлеров. // Российский научный вестник. — № 10. — 2026. — С. 292-299.

[17] О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Феде-

ральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ст. 8, 25). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 07.09.2026).

[18] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (ст. 74, 84, 204; глава 27). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 07.09.2026).

References:

[1] Engalychev V. F., Kravtsova G. K., Kholopova E. N. Forensic Psychological Expertise for Identifying Indicators of the Credibility/Lack of Credibility of Information Provided by Participants in Criminal Proceedings (Based on Video Recordings of Investigative Actions and Operational-Search Activities): A Monograph. — Moscow: Yurlitinform, 2016. — 328 p.

[2] Information Letter "On the Inadmissibility of Determining the Credibility of Testimony via Forensic Expertise," approved by the Scientific-Methodological Council of the Federal Budgetary Institution "Russian Federal Centre of Forensic Science" under the Ministry of Justice of the Russian Federation (Minutes No. 6 dated June 15, 2016) and the Academic Council of the Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology named after V. P. Serbsky of the Ministry of Health of the Russian Federation (Minutes No. 7 dated June 20, 2016) // Theory and Practice of Forensic Science. — 2016. — No. 3 (43). — pp. 64–73.

[3] Tomashevsky B. V. The Writer and the Book: An Essay on Textology. — 2nd ed. — Moscow: Iskusstvo, 1959. — 280 p.

[4] Likhachev D. S. Textology: Based on Russian Literature of the 10th–17th Centuries. — 2nd ed. — Leningrad: Nauka, 1983. — 639 p.

[5] Reiser S. A. Fundamentals of Textology. — 2nd ed. — Leningrad: Prosveshcheniye, 1978. — 176 p.

[6] Spiritsa E. V. Profiling: delimitation of subject areas and limits of reasonable conclusion // International Scientific Bulletin. — No. 10. —2026. — pp. 298-208.

[7] Mehrabian A., Ferris S. R. Inference of Attitudes from Nonverbal Communication in Two Channels // Journal of Consulting Psychology. - 1967. - Vol. 31, no. 3. - P. 248–252.

[8] Hirsch A. R., Wolf C. J. Practical Methods for Detecting Mendacity: A Case Study // Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law. - 2001. - Vol. 29, no. 4. - P. 438–444.

[9] DePaulo B. M., Lindsay J. J., Malone B. E., Muhlenbruck L., Charlton K., Cooper H. Cues to Deception // Psychological Bulletin. - 2003. - Vol. 129, no. 1. - P. 74–118.

[10] Luke T. J. Lessons From Pinocchio: Cues to Deception May Be Highly Exaggerated // Perspectives on Psychological Science. — 2019. — Vol. 14, no. 4. - P. 646–671.

[11] Walton D. Ad Hominem Arguments. — Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1998. — 336 p.

[12] Dawes R. M. The Robust Beauty of Improper Linear Models in Decision Making // American Psychologist. - 1979. - Vol. 34, no. 7. - P. 571–582.

[13] Bond C. F. Jr., DePaulo B. M. Accuracy of Deception Judgments // Personality and Social Psychology Review. — 2006. — Vol. 10, no. 3. — P. 214–234.

[14] Wiseman R., Watt C., ten Brinke L., Porter S., Couper S.-L., Rankin C. The Eyes Don't Have It: Lie Detection and Neuro-Linguistic Programming // PLoS ONE. — 2012. — Vol. 7, no. 7. — e40259.

[15] Vygotsky L. S. The History of the Development of Higher Mental Functions // Collected Works: in 6 vols. Vol. 3. — Moscow: Pedagogika, 1983. — 1136 p.

[16] Spiritsa E. V. Language Without Speech: Skill as a Missing Link Between Schema and Experience in the Training of Profilers // Russian Scientific Bulletin. — No. 10. — 2026. — P. 292–299.

[17] On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation: Federal Law No. 73-FZ of May 31, 2001 (Arts. 8, 25) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (accessed: 07.09.2026).

[18] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (Arts. 74, 84, 204; Chapter 27) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed: 07.09.2026).